
В. В. ЛЕПАХИН

Сказание об иконе Николы Заразского

(Некоторые проблемы исследования)¹

В основе «Сказания о чудотворной иконе Николы Заразского» лежит часто повторяющийся в сказаниях об иконах мотив перенесения чудотворного образа из одного места в другое. К такому действию чаще всего побуждает человека сама икона. Сказание представляет собой первую часть известного цикла повестей о нашествии татаро-монголов на Рязанскую землю. Сказание и весь цикл начинается с летописных сообщений. Под 1222 г. читается следующая запись: «Въ лѣто 6730. Приход изъ Корсуня² чудотворнаго Николы образа Заразскаго, како приде изъ пременитаго града Херсони въ предѣлы рязанския въ третье лѣто по Калском побоище».³ Поскольку автор употребляет слово «приход», можно предположить, что он описывает это событие спустя несколько лет, находясь уже в Рязани или Заразске. Битва на Калке состоялась в 1223 г., а образ принесли в 1225 г. Остается открытым вопрос о том, почему эта запись находится под 1222 г.

Следующая запись значится под 1225 г.: «Въ лѣто 6733. При великом князе Георгии Всеволодовичи Владимерском, и при великом князе Ярославѣ Всеволодовичи Ноугородцкомъ, и сыне его князе Алексаньдре Ярославичи Невскомъ,⁴ и при Рязанском великом князе Юрьи Ингоревице, принесень бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николы Корсунскаго Заразскаго изъ пременитаго града Херсони в предѣлы резаньския во область благовѣрна князя Федора Юрьевича Резанскаго».⁵ Как видим, здесь автору Сказания важно указать не только дату, но и имена князей, которые прямо или косвенно были связаны с перенесением иконы или являлись свидетелями этого события.

Под этим же годом рассказывается о том, где находился чудотворный образ в Корсунѣ: «А стояль чудотворный образ во граде Корсунѣ посреди града

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Русская словесность и икона: Проблемы интермедиальности», проект № 10-04-00016а.

² Автор Сказания называет город по-разному: Корсунь, Херсонь, Херсуння, что говорит о неустоявшейся топонимике того времени.

³ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 132.

⁴ Князю Александру в 1225 г. было всего пять лет, и он еще не именовался Невским (см. об этом: *Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Комментарии // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 474).

⁵ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 132.

близ церкви апостола Иякова брата Богословле. А у сего бо апостола Иякова крестися самодержавный и великий князь Владимир Святославич Киевской и все Руси. А полата была болшая краснаа у чудотворцева храма сзади олтаря...».⁶ Как можно понять из этого текста, икона находилась недалеко от церкви апостола Иакова. Здесь же узнаем, что именно в этой церкви крестился князь Владимир,⁷ далее коротко рассказывается о крещении великого князя (при этом упоминается и эпизод с глазной болезнью, от которой Владимир исцелился только после крещения). Таким образом, чудотворный образ святителя Николая оказывается косвенно связанным и с великим князем Владимиром, и с его Житием. В этом отрывке говорится также о «красной палате». Она упоминается просто как ориентир, но ориентир очень значительный. Во-первых, находилась она «у чудотворцева храма сзади олтаря». «Чудотворцевым храмом» автор называет церковь Николая Угодника, где и стояла икона, за алтарем же церкви находились эти палаты. Во-вторых, для автора Сказания палата примечательна тем, что в ней пировали византийские императоры Василий II и Константин VIII Порфирородный,⁸ которые выдали за великого князя Владимира свою сестру Анну. Так, с помощью сакральной иконичной топографии, автор Сказания подчеркивает святость того места, на котором в Корсуни пребывал чудотворный образ.

Следующая запись возвращает читателя на год назад. Здесь под 1224 (6732) годом автор рассказывает о событиях, которые побудили перенести икону в Рязань.⁹ В тот год «явился святыи великий чудотворец Николае Корсунской в приименитом граде Херсунии служителю своему Астафию¹⁰ именем в привидѣнии. И рече ему великий чудотворец Николае: „Астафие, возми мой чудотворный образ Корсунски, супругу свою Феодосию и сына своего Остафия и гряди в землю Резаньскую. Тамо хошу быти, и чудеса творити, и мѣсто прославити“». ¹¹ Здесь читатель узнает, что Евстафий является *служи-*

⁶ Там же.

⁷ Согласно «Повести временных лет», князь крестился в храме святителя Василия Великого и получил его имя. По другим данным, он крестился годом ранее в селе Васильеве близ Киева или же в самом Киеве. Надо сказать, что в XV в. сведения летописей о месте крещения великого князя Владимира довольно противоречивы: например, в Новгородской I летописи называется церковь св. Василиска, в Радзивиловской — святой Богородицы, в Ипатьевской — святой Софии. Храм же апостола Иакова, кроме Сказания, фигурирует в Софийской I летописи (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XV веков. М., 2001. С. 438).

⁸ Это легендарный мотив: Василий и Константин никогда не были в Корсуни.

⁹ Д. С. Лихачев довольно подробно объясняет, почему чудотворный образ понуждал Евстафия к переезду именно в Рязанские земли (см.: *Лихачев Д. С.* Повесть о разорении Рязани Батыем // *Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси.* М., 1975. С. 226—227).

¹⁰ В написании имени главного действующего лица Сказания наблюдаются колебания даже в пределах одной рукописи: он называется сначала Астафий, потом Остафий или Остафей, позже Еустафей. В одном предложении автор Сказания называет отца Астафием, а сына Остафием. Это имя восходит к греческому Евстафий (от греч. ευστάθεια), что значит стойкость, твердость, постоянство (буквально — «благостояние»). Если исходить из того, что имя автора Сказания и его отца «говорящее», то в нем можно усмотреть иронию: Евстафий думал, что он «благостоит» в Корсуни, но Господь сорвал его с обжитого места и отправил в неведомые края по необычному маршруту. Впрочем, на новом месте Евстафий снова твердо встал на ноги.

¹¹ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 134.

телем святителя Николая. Этого звания он удостоился как священник храма святителя Николая. Хотя видение ужаснуло Евстафия, он не сразу выполнил повеление святителя. Мысленно оправдываясь перед собой и Николой, служитель иконы ссылался на незнание Рязанской земли и нежелание оставлять Корсунь, в которой он прожил, видимо, всю жизнь. Трижды являлся святитель Евстафию, при этом в третий раз обратился к священнику, «утыкая въ ребра». ¹² Однако тот медлил. И тогда Евстафий понес наказание: «...нападе на нь болъзнь главная (головная. — *В. Л.*). И от толикие болъзни абие ослепе, и нападоша на очию его яко чешуя». ¹³ Только после этого вразумления Евстафий начал каяться в своем недоверии к святителю и в медлительности: «И прилѣжно припаде к чудотворному образу, и нача плакаться». ¹⁴

После молитвы перед иконой Евстафий исцелился и твердо решил выполнить волю святителя Николая. Маршрут он составил сам, предполагая подняться вверх по Днепру, а потом через половецкие степи отправиться на восток в рязанские пределы. При этом Евстафий понимал всю опасность такого пути, но полагался на помощь и заступничество Спасителя, Богородицы и святителя Николая. Чудотворный образ не только понудил Евстафия к перенесению святыни, но и указал другой, более безопасный, маршрут. В четвертый раз явился Никола Евстафию и сказал: «Не полезно ти есть ити чрез землю поганых половець». Евстафию был дан другой маршрут: Корсунь — устье Днепра — Варяжское (Балтийское) море — Кесь (ныне Цесис в Латвии) ¹⁵ — Новгород — Рязанская земля. На этот раз Евстафий не медлил: он «вборзе взя чудотворное образъ великаго чудотворца Николы Корсунскаго, и жену свою Федосию, и сына своего Остафия, и единого от клирик предстатель своих, и забы преименитаго града Херсони, и отрекъся всего имениа, и поиде в путь, яко же Чюдотворецъ изволи, Богу его соблюдающуи, а Чюдотворецъ ему путь правяще». ¹⁶ Здесь можно обратить внимание на то, что Евстафий оставил в Корсуни все свое имение, т. е. служитель иконы целиком отдался в волю Божию. Далее все получилось так, как предсказывал Никола: Евстафий спустился в устье Днепра, благополучно доплыл на корабле до града Кесь, а оттуда прибыл в Великий Новгород к князьям Ярославу Всеволодовичу и сыну его Александру (здесь он не называется Невским). В Новгороде Евстафий пробыл «много дни». Вероятно, об этом его просили жители города, поскольку «велики чудотворецъ Николае нача великие чудеса творити» в Новгороде.

Там произошел известный случай с супругой Евстафия. Жена священника, как можно догадываться, также не хотела покидать насиженное место

¹² Этот несколько натуралистический мотив встречается еще в «Деяниях апостолов». Во время гонений со стороны Ирода Агриппы I апостол Петр был заключен под стражу. И вот ночью в темнице явился Ангел: «И свѣтъ возсия въ хранинѣ, толкнувъ же въ ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскорѣ» (Деян. 12 : 7).

¹³ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 134. Совершенно справедливо И. А. Лобакова видит здесь параллель с исцелением от слепоты князя Владимира в Корсуни же, о чем упоминается в начале Сказания (см.: *Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань»... С. 473).

¹⁴ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 134.

¹⁵ В некоторых других списках Евстафий путешествует через Ригу, а не через Кесь (об этих списках см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 419—420).

¹⁶ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 134—136.

в Корсуни. В Новгороде же ей понравилось, и, не желая продолжать путь, она спряталась от мужа. Автор¹⁷ рассказывает об этом следующим образом: «И жена же Остафиева Феодосия возлюби Великий Новиград, и не хотя ити во слѣдъ чудотворнаго образа, и скрыся от мужа своего».¹⁸ Поступок супруги Евстафия вызывает удивление: во-первых, мать оставляет малолетнего сына (или она скрылась вместе с сыном?), во-вторых, попадая бросает священника, а в этом случае он должен был бы принять монашеский постриг (иначе его запретили бы в служении); в-третьих — и, может быть, это главное — она не хочет идти «во слѣдъ чудотворнаго образа». Наказание следует незамедлительно. Жена Евстафия впала в расслабление: «И абие расслабѣ всѣ уды и телеси ея, и быша, яко мертва, и недвижима, — едино дыхание в персех ея быше».¹⁹ Когда Евстафию рассказали о том, что его супруга лежит при смерти, он тут же обратился с молитвой к иконе святителя Николая: «Великий чудотворецъ Николае, прости <...> рабу свою, яже ти согреших, яко едина от безумныхъ женъ».²⁰ Жена Евстафия тотчас выздоровела, и он, больше не мешкая, чтоб не случилось какое-нибудь другое искушение, продолжил свой путь в рязанские пределы.

Достигнув границ Рязанского княжества, Евстафий, усомнившись в Промысле Божиим, пришел в недоумение: что же делать дальше? «Остафие согреших в мысли своей, — повествует автор, — забы прежнаго чудотворцева видения и чудеса его. Богъ бо творит чудеса угодником своим елико хошет».²¹ Но недолго оставался Евстафий в неведении о дальнейшем. Святитель Николай явился во сне рязанскому князю Федору Юрьевичу и сказал ему почти те же слова, что ранее в Корсуни Евстафию: «Княже, гряди во стрѣтение чудотворнаго моего образа Корсунскаго. Хошу бо здѣ быти и чудеса творити».²² Святитель Николай обещал также князю умолить Бога, чтобы Он даровал Федору, супруге его и их чаду венец Царствия Небесного. Проснувшись, князь удивился больше всего предсказанию о венце, поскольку не был женат. Однако он тотчас пошел встречать чудотворную икону: «И прииде предреченое мѣсто, и увиде издалече от чудотворнаго образа, яко свѣтъ неизреченый блистаяся. И припаде къ чудотворному Николину образу любезно сокрушенным сердцем, и испущая слезы от очию, яко струю. И приа чудотворный образ, и принесе во область свою».²³ Федор Юрьевич известил о прибытии иконы отца — князя Георгия. Тот вместе с рязанским епископом Ефросином Святгорцем пришел к сыну и «увидѣ от чудотворнаго образа великия и преславны чудеса, и радости наполнися о преславныхъ чудесех. И создаша храм во имя святаго великаго чудотворца Николы Корсунскаго».²⁴ Далее рассказывается, что через несколько лет князь Федор женился, взяв супругу «от царьска рода»

¹⁷ Особую достоверность этому рассказу придает имя повествователя. Д. С. Лихачев считает автором Сказания Евстафия-младшего — сына Евстафия Корсунского (см.: *Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // Словарь книжников. Л., 1987. Вып. 1. С. 333—334*). К этому вопросу мы вернемся в конце статьи.

¹⁸ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 136.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 138.

по имени Евпраксия, как полагают, — гречанку. Она родила ему сына Иоанна, прозванного Постником.

Сказание заканчивается летописным сообщением под 6745 (1237) г. Князь Федор Юрьевич Рязанский был убит по приказанию Батыея. В другом произведении, связанном со Сказанием, — «Повести о разорении Рязани Батыеем» — рассказывается, что Батый повелел привести к нему на ложе жен, дочерей и сестер рязанских князей. Отдельно он пожелал увидеть и супругу Федора Юрьевича. Князь с улыбкой ответил: «Не подобает нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, своих жен на блуд. Коли одолеешь нас, получишь власть и над нашими женами».²⁵ После этих слов он был убит. Позже тело князя Федора перенесли «во область его к великому чудотворцу Николу Корсунскому, и положиша, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю царевну, и сына их князя Ивана Федоровича во едином мѣсте».²⁶ Таким образом, предсказание святителя Николая о венце сбылось: князь Федор получил сначала брачный венец, а потом вместе с семьей удостоился венца Царства Небесного: все трое погибли как мученики за христианскую веру и чистоту.

С историей убийства князя и гибели его супруги с сыном связано переименование иконы. На протяжении всего повествования автор называет икону образом Николы Корсунского, но последняя запись объясняет, почему у иконы появилось еще одно именование. Когда Евпраксия узнала о смерти мужа, говорится в летописном сообщении, она вместе с сыном упала с высоты своего терема и разбилась. «И от сея вины да зовется великий чудотворец Николае Зараский, яко благовѣрнаа княгиня Еупраксѣа с сыном князем Иваном сама себе зарази».²⁷

Чудотворная икона Николы Заразского породила сказание о «коломенских чудесах», составленное в начале XVI в. В 1513 г.²⁸ на Рязань двинулись крымские татары. Священники — служители чудотворного образа — заблаговременно перенесли его в Коломну. Икону поставили в храме святителя Петра Московского, где сразу же начали происходить чудеса. Епископ Коломенский Митрофан сообщил о них великому князю Василию Ивановичу, который повелел воздвигнуть в Коломне каменный храм в честь Николы Заразского и там поставить чудотворную икону. Василий III повелел также сделать точный список образа и послать его в Зарайск. Список с почетом был принят в Зарайске и поставлен на том самом месте, где стояла первоначальная икона.

Образ Николы пребывал в Коломне два года и пятнадцать недель, а затем произошли чудеса, названные впоследствии «коломенскими». Некий серебряных дел мастер по прозвищу Козлок ночью проник в храм и снял с чудо-

²⁵ Повесть о разорении Рязани Батыеем / Подгот. текста, пер., коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 142; перевод наш. — В. Л. Ср.: Там же. С. 143.

²⁶ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань. С. 138.

²⁷ Там же. Это объяснение повторяется в цикле еще раз (см.: Повесть о разорении Рязани Батыеем. С. 152).

²⁸ И. А. Лобакова в комментариях к Сказанию указывает, что первое «коломенское чудо» произошло не в 1513, а в 1521 г., второе же — в 1531 г. (см.: Лобакова И. А. «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань»... С. 472). Вероятно, это связано с тем, что в эти годы на Рязанское княжество были совершены набеги: в 1513 г. — Бурнаш-Гирея, в 1521 г. — Махмет-Гирея. Однако запись о «коломенских чудесах» помечена 7021 (1513) г., т. е. за несколько месяцев до нашествия Бурнаш-Гирея (см.: Лихачев Д. С. Повести о Николу Заразском : (Тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 346).

творного образа весь приклад, т. е. не только ризу, но и золотые и серебряные привески, которые приносили верующие в благодарность за исцеления. Пять недель образ стоял в храме без украшений. Святитель Николай явился Созонту Киселеву, который восемь лет лежал на одре неподвижно, не владея ни ногами, ни руками. Святитель повелел больному пойти к епископу Митрофану и сказать, что святотатство совершил серебряных дел мастер, который живет за рекой Коломной, за прудом, а награбленное он положил в корчагу и закопал в землю. Созонт только спросил, как же он может пойти к епископу, если не владеет ногами. Тогда святитель Николай поднял его на ноги, и больной почувствовал себя полностью здоровым. Созонт поспешил к владыке, а тот, увидев исцеленного, повелел звонить в колокола, созывая народ. Собравшиеся нашли бывшего расслабленного здоровым, молящимся перед чудотворной иконой святителя Николая. Епископ тут же взял образ в руки и крестным ходом все пошли на другой берег реки. Козлок встретил владыку у ворот и без допроса признал святотатство, исповедовал свой грех и отдал украденное.²⁹

Другое чудо произошло во время крестного хода. Шествие с чудотворной иконой входило в город через Ивановские ворота. Там обычно собирал милостыню глухонемой от рождения нищий по имени Климент. Помолившись перед чудотворным образом, Климент стал слышать и говорить.³⁰ Итак, в «коломенских чудесах» говорится о четырех случаях: исцеление расслабленного, разоблачение святотатца, обретение украденного, а также исцеление глухонемого от рождения.

Уникальной чертой этого произведения является список служителей чудотворной иконы, который в некоторых рукописях завершает Сказание.³¹ Приведем его полностью по рукописи Российской национальной библиотеки из собрания М. П. Погодина: «Род поповский Николы чудотворца Зараского на Резани. Первый служитель Евстафеи, что прииде съ чудотворнымъ образомъ Николинымъ из Корсуны. Вторый служитель сынъ его Евстафеи же. Третий служитель Прокопеи, сынъ втораго Евстафия. Четвертой служитель сынъ Прокопьевъ Никита. Пятой служитель сынъ Никитин Василицкъ. Шестой служитель сынъ Василицковъ Захареи Подкин. Седмой служитель сынъ его Феодосии з братьею. Осмый служитель Феодосиев сынъ Матвѣи протопопъ з братьею. Девятой служитель протопоп Иван з братьею, протопоповъ сынъ Матвеевъ. А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десять лѣтъ непременно родъ ихъ. Се написа Евстафеи вторыи, Евсътафьевъ сынъ Корсунска, на память последнему роду своему».³²

Итак, икона была настолько великой святыней, а дело перенесения образа из Корсуни в Рязань таким значительным, что у чудотворной иконы были особые хранители и служители, причем все они в течение 335 лет³³ были

²⁹ См.: РНБ, собр. М. П. Погодина, № 643, л. 152—160 об.

³⁰ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николѣ Зараскомъ : (Тексты). С. 347.

³¹ См. об этом: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 463.

³² РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1594, л. 53 об.

³³ В Погодинском списке последним значится протопоп Иван Вислоух. Но список был продолжен в 1614 г., и в него включили племянника Ивана Тимофея и брата Тимофея — Симеона. Таким образом род служителей иконы стал насчитывать 389 лет. В еще более позднем списке называется сын Симеона протопоп Никита, но отсутствует расчет лет. В некоторых списках встречаются имена братьев Феодосия — Игнатия и Ивана Волка (см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 426, 427, 429).

продолжателями рода Евстафия Корсунского. Подобного факта в сказаниях о чудотворных иконах больше не встречается. Об особом почитании иконы в Рязанской земле говорит и то, что даже даты событий начали иногда указывать в отсчете от принесения образа Николы в Рязань. Например, «Повесть о разорении Рязани Батыем» начинается так: «Въ лѣто 6745, въ фторое на десять лѣто по принесении чюдотворнаго образа ис Корсуня...».³⁴

Теперь вкратце коснемся двух взаимосвязанных вопросов: датировки Сказания и его авторства. Как уже говорилось, Д. С. Лихачев, основываясь на словах «Се написа Евстафеи вторыи, Евсъгафьев сынъ Корсунска», предположил, что автором Сказания является сын Евстафия Корсунского Евстафий второй.³⁵ На этом основании Д. С. Лихачев высказал мнение и о датировке произведения: «Язык этой повести («Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань». — *В. Л.*) весьма архаичен, лексический состав ее не противоречит тому предположению, что она была составлена в середине XIII в.».³⁶ И. А. Лобакова уточняет датировку: по ее мнению, Сказание могло быть написано в 70-х гг. XIII в.³⁷ Вместе с тем окончательное оформление всего рязанского цикла Д. С. Лихачев, а позже А. Поппэ отнесли к 30-м гг. XVI в.³⁸

Другую точку зрения высказал Б. М. Клосс: «Повесть о Николе Заразском (автор имеет в виду весь цикл. — *В. Л.*) — произведение единое по своему замыслу, языковым особенностям и использованным источникам. Все части памятника написаны в одно время и одним автором, объединены общей идеей прославления местных святынь».³⁹ Временем составления всего цикла он считает 1560 г., при этом замечает, что Повесть (весь цикл) «никакого более раннего протографа не имела».⁴⁰ Автором цикла Б. М. Клосс предлагает считать протопопа Ивана Вислоуха на том основании, что его именем заканчивается роспись «служителей» чудотворной иконы в ранних списках произведения.⁴¹ Какая же роль отводится Евстафию-младшему? Б. М. Клосс на этот счет говорит следующее: «Единственное, что можно было бы признать авторским вкладом второго Евстафия, — это вписание в Синодик имен своих родителей с кратким упоминанием об истории перенесения иконы».⁴² Как видим, выводы и предположения Б. М. Клосса принципиально расходятся с традиционными взглядами на это произведение Д. С. Лихачева и других исследователей.⁴³ Здесь свое слово должны сказать также лингвисты: на основе детального анализа языка Сказания (первой части цикла) можно было бы ответить на вопрос, насколько он близок к языку XIII в.

³⁴ Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 140.

³⁵ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 333.

³⁶ Там же. С. 333—334.

³⁷ См.: Лобакова И. А. «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань»... С. 474.

³⁸ Там же.

³⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 452.

⁴⁰ Там же. С. 454, 455.

⁴¹ Там же. С. 455.

⁴² Там же.

⁴³ Развернутую и убедительную критику этой точки зрения см.: Лобакова И. А. Заметки по текстологии «Повести о Николе Заразском»: (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 761—783.

* * *

Вернемся к вопросу о маршруте, по которому Евстафий переносил образ Николая Чудотворца. Большинство исследователей не сомневаются, что икона совершила путешествие вокруг всей Европы. Например, Д. С. Лихачев пишет, что Никола указал Евстафию «безопасный путь вокруг Европы».⁴⁴ Б. М. Клосс характеризует данный эпизод как «фантастическое описание путешествия Евстафия на корабле вокруг всей Европы, не содержащее ни одной живой детали».⁴⁵

Итак, в этом случае Евстафию сначала нужно было плыть из Корсуни в устье Днепра. Но если он должен был идти через Царьград вокруг Европы, то зачем же он проделал немалый путь *в обратную сторону*? Почему нельзя было из Корсуни сразу отправиться в сторону Босфора? Д. С. Лихачев предполагает, что в устье Днепра «очевидно, находилась крупная морская гавань».⁴⁶ Но разве сама Корсунь не была крупнейшим и известнейшим в ту пору морским портом? И разве оттуда не ходили корабли через Черное море в Византию и Средиземноморье? И неужели в устье Днепра был более крупный порт, чем Корсунский?

Теперь представим себе маршрут вокруг Европы. Корабль должен был проплыть через Черное море, через Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море, через все Средиземное море, Гибралтар, Бискайский залив, Ла-Манш, наконец, через Северное море и через все Балтийское до Риги. Какой же корабль решился бы на такое далекое, опаснейшее и дорогостоящее плавание? И сколько остановок должен был бы сделать такой корабль для пополнения запасов пресной воды и питания? Или же Евстафий плыл, пересаживаясь с корабля на корабль? Но это было бы еще более опасно и дорого, тем более что Евстафий имел при себе великую святыню, а в его опеке нуждались жена, сын и некий клирик (последний упоминается лишь один раз). И сколько времени продолжалось бы такое путешествие? — Многие месяцы. Б. М. Клосс говорит о «фантастическом описании» путешествия Евстафия вокруг Европы. Но никакого описания в произведении просто нет. В Сказании, во-первых, не говорится, что это было путешествие *вокруг Европы*, а во-вторых, оно совсем *не описывается*. Здесь читаем следующее: Евстафий сел на корабль в устье Днепра в море Понтийском и приплыл в море Варяжское.⁴⁷

Тексты разных списков Сказания дают возможность предположить, что Евстафий путешествовал не вокруг Европы, а по пути «из варяг в греки». Ипатьевская летопись следующим образом описывает этот путь: »...и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкы . и изъ Грѣкъ по Днепру . и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти . и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое . из негоже озера поте- четь Волховъ . и втечетъ въ озеро великое Нево . и того озера видет оустье в море Варяское . и по тому морю внити доже и до Рима . а от Рима прити по

⁴⁴ Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 225.

⁴⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 463.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 225. Такая гавань была, например, на острове Березань. Там моряки переоснащали свои корабли, т. е. речные суда (обычно это были выдолбленные ладьи-однодеревки на 30—40 человек), приспособлявая их к плаванью по морю (см.: БСЭ. М., 1955. Т. 35. С. 327—328).

⁴⁷ Сказание о перенесении образа Николая Чудотворца из Корсуни в Рязань. С. 136.

тому же морю къ Цесарюграду . и от Царяград прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка . Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса . и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечет и идеть на полуночь и внидет в море Варяское». ⁴⁸ Интересно, что путь называется «из варяг в греки», но читатель видит перед собой путь из «грек в варяги», а потом сразу выясняется, что это путь вместе с тем «из грек в греки», т. е. путешествие из Царьграда через Новгород и Рим в Царьград же. Но поскольку, согласно летописи, путь начинается на Днестре и Днестром заканчивается, этот путь можно назвать и путем «из славян в славяне». При этом движение вокруг Европы описывается только против хода солнца.

Самое интересное в процитированной статье Ипатьевской летописи, на наш взгляд, заключается в следующем: в ней говорится о двух путях — «из Варягъ въ Грѣкъ» и «изъ Грѣкъ по Днестру». Первый путь, *морской*, вел «в греки» через Балтийское и Средиземное моря в Царьград (действительно вокруг Европы) с заходом в какой-либо итальянский порт, поэтому упоминается и Рим. Второй, *речной*, путь «из грек по Днестру» вел в Балтийское море. Нельзя ли из этого сделать вывод, что варяги не ходили «в греки» речным путем, а предпочитали окружной морской? ⁴⁹ Вместе с тем дорогу домой «из грек» они проделывали не по длинному морскому маршруту в обратную сторону, а речным путем через Днестр. При этом сохранялось движение против хода солнца. ⁵⁰ В Ипатьевской летописи похожим образом описывается путь апостола Андрея: «...Пришедшу ему в Корсунь . Оувидѣ яко ис Корьсуны близъ оустье Днѣпрское . И въсхотѣ поити в Римъ . И приде въ оустье и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ». ⁵¹ Как видим, апостол Андрей из Корсуни также пришел в Днестровское устье и именно для того, чтобы подняться вверх по Днестру. Кроме того, обратим внимание на то, что он намеревался отправиться в Рим не через Босфор и Дарданеллы, а по пути «из грек в варяги».

Возвращаясь к нашей теме, можно предположить, что Евстафий также вначале поднялся в верховья Днестра. Далее корабли тащили волоком до реки Ловать, а там через Ильмень, Волхов, Ладогу, Неву — в Балтику. Это — один путь «из грек» для тех купцов, которые шли в Новгород. Но существовало другое ответвление для тех, кто направлялся в Скандинавские страны. Волок между Днестром и Ловатью пересекал Западную Двину. Итак, Евстафий мог пойти дальше не на Ловать по новгородскому пути, а поплыть на северо-запад по Двине до Риги, т. е. по скандинавскому пути «из грек по Днестру», которым ходили норманнские и готландские торговцы. ⁵² Отметим, что с Западной Двины через Рижский залив был путь на Кесь по реке Гауя. Так что, возможно, Евстафий прибыл в Ригу, отдохнул там, затем отправился в Кесь речным путем и уже оттуда — сухопутной дорогой в Новгород. Обратимся еще раз к тексту

⁴⁸ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 5.

⁴⁹ Это объясняется торговыми отношениями: суда по пути в Царьград заходили в немецкие, английские, французские, итальянские порты, закупали одни товары, продавали другие.

⁵⁰ Нам кажется, что это важно упомянуть. Если бы Евстафий путешествовал вокруг Европы, это стало бы движением по ходу солнца.

⁵¹ Ипатьевская летопись. С. 5.

⁵² В XII в., когда значительно оживились связи с Западной Европой, новгородский маршрут уступил место западнодвинскому (см.: БСЭ. М., 1955. Т. 35. С. 327—328). Отметим также, что в отрывке из Ипатьевской летописи, который цитировался выше, упоминается Западная Двина.

Сказания: «И доиде моря Варяжскаго, и паки прииде в Немецкия области во град Кесь, и мало пребы в нем. И поиде оттуду сухимъ путем...».⁵³ Обратим внимание на наречия «паки» и «мало». Первое слово кроме «опять» может означать также «напротив», «назад, обратно», «с другой стороны».⁵⁴ Нельзя ли понять текст следующим образом: Евстафий прибыл по Двине в Балтийское море, в Ригу, потом «опять» («еще раз», «с другой стороны») приплыл уже в Кесь? В тексте читается: «...и доиде до моря Варяжского». Если бы Евстафий плыл вокруг Европы, то он прибыл бы сначала в какой-нибудь порт «моря Варяжского» на территории нынешних Дании, Швеции или Германии. Но автор об этом не упоминает. Если же признать, что Евстафий плыл по Двине, то легко объяснить, почему в некоторых рукописях не говорится о Риге: только в рижский порт и можно прибыть по Двине.

Второе слово вызывает вопрос: почему Евстафий отдохнул лишь «мало». При учете данного предположения ответ очевиден: потому что он уже отдохнул в Риге и ему нужно было лишь подготовиться к сухопутной дороге. Такое предположение объясняет тот факт, что в разных списках Сказания упоминаются или Рига, или Кесь: Рига — потому что сначала он приплыл в этот порт, Кесь — потому что из этого города он двинулся дальше на лошадях. Поэтому противоречия здесь, по всей видимости, нет.⁵⁵

Однако почему Евстафий не пошел прямо на Новгород, а свернул на Ригу? На этот вопрос есть два ответа: во-первых, через море Варяжское, через «Немецкие области» Евстафия послал сам святитель Николай: как читаем в Сказании, «чюдотворец ему путь правяще»,⁵⁶ т. е. указывал путь, а во-вторых, дорога через Ловать в Ильмень была более опасной — на реке встречалось много порогов, и судоходство по ней было возможно только полноводной весной, а Евстафий, вероятно, прибыл к волоку в конце лета или в начале осени.⁵⁷

Но чем же отличается этот маршрут от первоначального, выбранного самим Евстафием, ведь он тоже хотел плыть по Днепру? По контексту ясно, что Евстафий хотел подняться по реке и, не доходя до знаменитых днепровских порогов, повернуть сразу в степи — на северо-восток, на Рязань. Святитель предостерег хранителя иконы от нежелательной встречи в степях с язычниками половцами. Так по послушанию Евстафий проделал более долгий путь и пришел в Рязань с северо-запада, из Новгорода.

Почему в Сказании не описано путешествие Евстафия вокруг Европы? Ответ прост: потому что его не было. В противном случае это обнесение чудотворного образа Николы Корсунского-Зараского вокруг всей Европы было бы многократно отражено в древнерусских памятниках. Путь же из

⁵³ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань. С. 136.

⁵⁴ См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.*, 1988. Т. 14. С. 126; ср.: *Полный церковнославянский словарь* / Сост. Г. Дьяченко. М., 1993. С. 403.

⁵⁵ Это важно отметить, поскольку Б. М. Клосс придает этому вопросу принципиальное значение: исследователь выделяет разные виды редакции А в зависимости от указанного в тексте памятника пункта прибытия Евстафия — Рига или Кесь (см.: *Клосс Б. М. Избранные труды*. Т. 2. С. 419, 455).

⁵⁶ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань. С. 136.

⁵⁷ Вероятно, первый раз святой посылал Евстафия в Рязань по весне. Но хранитель иконы долго сопротивлялся, потом болел и отправился намного позже, выбрав не самое подходящее время для путешествия на Север.

варяг в греки был общеизвестным и привычным, поэтому описывать его не было нужды. Но, конечно, нельзя не задаться следующим вопросом: почему Евстафий-младший — если именно его считать автором Сказания — ничего не говорит о путешествии с иконой? Здесь может быть только одно предположение: он был еще совсем ребенком и маршрут перенесения образа не запечатлелся в его памяти. Тогда возникает другой вопрос: как жена Евстафия-старшего могла бросить не только мужа, но и малого ребенка, скрывшись в Новгороде? По-видимому, Евстафий-младший поведал о бегстве матери довольно отстраненно, потому что по малолетству плохо помнил этот случай. Или же автор Сказания, как полагает Б. М. Клосс, не Евстафий? Вопросы относительно Сказания остаются немало. Однако, на наш взгляд, «варяжский», а не европейский маршрут перенесения иконы в любом случае заслуживает большего доверия.

* * *

Особый интерес для изучающих сказания о чудотворных иконах представляет «Стрелецкая» редакция Сказания, известная сегодня в единственном списке — БАН, собр. Ф. М. Плюшкина, № 165 (старый шифр — БАН, 38.4.40). Она носит следующее название: «Приход чудотворного образа святого Николы Чудотворца ис Корсуня града в Резанскую землю». ⁵⁸ Название «Стрелецкая» этой редакции дал Д. С. Лихачев по той причине, что рукопись принадлежала «стрелецкому голове» Никите Анненкову. ⁵⁹ Позже И. А. Лобакова убедительно доказала, что эта редакция памятника имеет псковское происхождение и составлена до 1613 г. ⁶⁰

Последняя фраза «Стрелецкой» (Псковской) редакции звучит следующим образом: «О еже написах сию повесть о принесении чудотворного образа святого Николы Корсунского, а ныне нарицаем бе Зараский, от Москвы 120 верст, а от Коломны 30». ⁶¹ Эта запись как будто специально сделана для читателя, незнакомого с рязанскими реалиями. Его информируют, что чудотворная икона раньше называлась Николой Корсунским, а теперь именуется Зараским; что Зараск (или, может быть, Рязань) находится в 120 верстах от Москвы (уточнение, сделанное автором для псковичей); упоминание же Коломны связано с тем, что псковичи могли не знать о «коломенских чудесах», случившихся в начале XVI в. Но самое интересное в этом названии следующее: автор «Стрелецкой» (Псковской) редакции считает главным произведением цикла не «Повесть о разорении Рязани Батыем», как это наблюдается в других редакциях, а «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань», при этом Повесть рассматривает лишь как дополнение к нему. ⁶²

Далее писец называет свой источник: «Списано у стрелецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восьмая тысящи 141 году

⁵⁸ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском : (Тексты). С. 358.

⁵⁹ См. об этом: Там же. С. 273.

⁶⁰ См.: Евсеева-Лобакова И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» : (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 372, 376.

⁶¹ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском : (Тексты). С. 369.

⁶² См. об этом: Евсеева-Лобакова И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем». С. 376.

марта 2 день».⁶³ Итак, список сделан 2 марта 1633 г. с рукописи, принадлежавшей Никите Леонтьевичу Анненкову, следовательно, сама редакция создана не позднее этого времени. Рукопись из собрания Ф. М. Плюшкина, таким образом, представляет собой точную копию списка 1633 г., сделанную в конце XVII в. И. А. Лобакова обнаружила упоминание имени стрелецкого головы Никиты Анненкова в псковских документах.⁶⁴ В этом случае выражение «у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца» можно понимать так, что Анненков был рязанцем лишь по происхождению, но служил во Пскове и рукопись рязанского Сказания привез туда с собой.

Ниже следуют рассуждения автора редакции (или списка) о перемещениях икон в пространстве, которые встречаются в самых разных сказаниях о чудотворных образах: «О таковых же преславных чудесех и знамении, и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в Божественном Писании в различных повестех много о святых иконах повествуют, и в каковых временех сице явление бывает, подобаешь нам внимати от прежебывших в древних летех в Цареграде и в Риме. Потом же и у нас в Рустей земли».⁶⁵ Здесь автор уточняет, что перенесение чудотворной иконы, описанное в этом сказании, не единично: в разных древних повествованиях можно прочесть о том, как икона переходит с места на место, из одного города в другой и даже в другую страну. При этом автору известны не только православные византийские сказания, но и католические, связанные с Римом.⁶⁶ Отдавая дань первенства или, скорее, древности Константинополю и Риму, автор подчеркивает, что позже и на Руси случались такие чудеса, и их надо записывать, о них следует рассказывать.

Автор редакции даже объясняет причины, по которым чудотворная икона может оставить место своего пребывания: «Ово же бывает к просвещению кажутся и являются святая иконы, иногда же отходят от мест своих пред казнию Божию, и пред гневом грядущим на кую же страну».⁶⁷ В данном случае можно предположить, что автор имеет в виду эпизод из «Сказания о Владимирской иконе Богородицы», который мог быть известен ему, например, по 16-й главе 16-й степени «Степенной книги».⁶⁸ Вслед за тем автор начинает перечислять

⁶³ Лихачев Д. С. Повести о Николле Заразском : (Тексты). С. 369.

⁶⁴ См.: Евсеева-Лобакова И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем». С. 372.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Повести о Николле Заразском : (Тексты). С. 369.

⁶⁶ Например, в известной книге Иоанникия Галятковского «Небо Новое», в которой немало католических легенд, описывается перенесение папой Сергием III (904—911) чудотворной иконы из одного монастыря в Латеранский дворец и чудесное возвращение образа на свое «законное» место в обитель (см.: Иоанъкий Галятовский. Новое Небо, з новыми звѣздами сотворенное, то есть Преплагословенная Дѣва Мария Богородица з чудами своими. 1665, в типографии Михайла Слиозки. Л. 78 об.).

⁶⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николле Заразском : (Тексты). С. 369.

⁶⁸ В 1521 г. Махмет-Гирей с крымскими, ногайскими и казанскими татарами вторгся в пределы Руси и остановился в 30 верстах от Москвы. Как повествует «Степенная книга», однажды ночью «праведный нагоходец» Василий молился на паперти Успенского собора. И вдруг храм отворился, икона Владимирской Богоматери поднялась со своего места, и Василий услышал, что Богородица вместе со святителями хочет оставить город. И вот огонь вырвался из храма через окна и двери, и «спрягася огонь и невидимъ бысть». Далее рассказывается о видении слепой монахини Вознесенского монастыря. У монахини отверзлись очи не только мысленные, но и чувственные, и она увидела «не яко же во снѣ, но яко на явѣ», что из Успен-

чудеса Богородицы, связанные с иконами. Древнерусский книжник пишет: «Первее явися Пречистая Богородица по Вознесении Господни. Явися в Лиде в церкви своей на столпе написана мусиею. Ею же постави исцелевший от апостол разслабленный Енея на просвещение верным, яко во всей вселенней ублажати имут Ю вси роди,⁶⁹ и церкви поставляти во имя Ея».⁷⁰ Это древнее предание о нерукотворной иконе Богородицы в городе Лидде (Диосполис) имело большое значение для иконопочитателей. Содержание его вкратце таково. После проповеди слова Божия в Лидде святые апостолы Петр и Иоанн собственными руками воздвигли там молитвенный дом в честь Божией Матери. Вернувшись в Эфес, апостолы просили Богородицу, чтобы Она «присутствовала на этом святом храмовом престоле», а также чтобы пришла на освящение храма. Богородица ответила: «С вами Я на этом месте была и есть». И в этот момент на одной из колонн «неким божественным действием» появилось Ее изображение. Когда Богородица пришла в Лидду и увидела Свою икону, Она признала в ней собственное «подобие и отоображение».⁷¹

Автор рассуждения о перемещениях икон в пространстве объединяет с этим сказанием еще одно. В «Деяниях апостолов» упомянут расслабленный из Лидды по имени Эней, которого исцелил апостол Петр именем Христовым.⁷² Действие во втором сказании происходит не в самой Лидде, где произошло первое чудо, а в селении, которое находилось недалеко от этого города. В благодарность за исцеление Эней «своими руками» воздвиг храм в честь Богородицы. Хотя в легенде об этом не говорится прямо, но вполне вероятно, что он собирал пожертвования на строительство, и когда храм был достроен, иудеи и язычники стали на него претендовать, так что дело дошло до архонта той местности. Правитель предложил спорящим сторонам следующий выход: он запирает и опечатывает храм, а через три дня открывает. Церковь будет отдана тому, чья вера подаст ясный знак об истинной принадлежности храма. Когда через три дня при свидетелях открыли церковь, то увидели в ее западной части на столпе изображение Богородицы. Язычники и иудеи вынуждены были отступить, и храм стал христианским.⁷³ Отметим, что эти два

ского собора выходит сонм святителей. Через Фроловские (так тогда назывались Спасские) ворота они покидали Кремль, унося с собой икону Владимирской Богоматери. Навстречу им от Москвы-реки вышли преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский, которые припали к стопам святителей и упросили их не оставлять горожан в грядущем несчастье. Вняв мольбам Сергия и Варлаама, святители отслужили литию перед чудотворной иконой, пропели молебные каноны, осенили город крестом и вернулись в Успенский собор. Махмет-Гирей после этого отступил, и Москва была спасена (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарий : В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. С. 307—309).

⁶⁹ Это парафраз стиха из Евангелия от Луки, в котором Богородица говорит: «Се бо отнынь ублажать Мя вси роди» (Лк. 1: 48).

⁷⁰ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском : (Тексты). С. 369.

⁷¹ См.: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. М., 1994. С. 164.

⁷² «И бысть Петру, посъщающу всѣх, снити и ко святымъ, живущимъ в Лиддѣ; обрѣте же тамо челоуѣка нѣкогo, именемъ Енея, от осми лѣтъ лежаща на одрѣ, иже бѣ разслаблен. И рече ему Петр: Енее, исцѣляетъ тя Иисусъ Христосъ; возстани съ постели твоея. И абие възста» (Деян. 9: 32—35).

⁷³ См. Сказания о чудотворных иконах в «Послании восточных патриархов императору Феofilу» / Пер., предисл., коммент. Т. М. Васильевой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 430.

сказания нередко объединяют в одно не только древнерусские книжники, но и современные исследователи, считая второе вариантом первого.

Далее в «Стрелецкой» редакции говорится: «И потом многи благодати явишася правоверным: святыя иконы и мощи святых».⁷⁴ Здесь важно отметить, что иконы и мощи упоминаются рядом. Такой прием защиты икон использовал преп. Иоанн Дамаскин: иконы мы почитаем так же, как почитаем мощи святых,⁷⁵ т. е. в этом фрагменте приведен один из доводов византийских иконопочитателей VIII—IX вв.

Вслед за тем автор напоминает историю, которая также известна по древним византийским сказаниям: «Егда же в Цареграде ереси явившися, тогда отидоша Спасов образ и Пречистой Его Матери в Рим. И паки ереси ради отголе возвратишася в Царьград».⁷⁶ Здесь упоминается сказание, согласно которому в начале иконоборчества патриарх Герман пустил в море не только Лидскую икону, которая позже, в 843 г., вернулась в Константинополь, но и образ Спасителя. Патриарх, чтобы уберечь принадлежавшую ему икону Иисуса Христа, пустил ее в море. Спаситель был изображен в полный рост. Патриарх привесил к Его правой руке грамоту, на которой было написано: «Покровитель, Покровитель, спаси Себя и нас, ибо мы погибаем».⁷⁷ И однажды эта икона Спасителя выплыла в устье реки Тибр. «И она сияла три ночи из пучины, как огненный столп», — говорится в сказании. Народ увидел ее, и папа Григорий II, защитник иконопочитания, подплыл к образу на лодке и, обвернув руки платом, взял образ и в присутствии благочестивого народа поставил икону в храме святого апостола Петра.⁷⁸

Далее автор вспоминает Печерскую чудотворную икону Успения: «Пред взятием же Царяграда от латынь Пречистая Богородица сама свою икону Влахерне даст иконописцом и присла их в Русь в Печерской монастырь в Киев, повеле им храм Свой подписати по смерти преподобных».⁷⁹ Это сказание читается во всех списках «Киево-Печерского патерика».⁸⁰ Здесь только отметим анахронизм: Патерик не связывает принесение чудотворной иконы Успения Богородицы из Константинополя со взятием его «латинянами». Крестоносцы захватили столицу Византии в 1204 г. Приход иконописцев же можно датировать 1084 г. (через десять лет, говорится в Патерике, после

⁷⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском : (Тексты). С. 369.

⁷⁵ Точное изложение православной веры. Творение св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1894. С. 231—238.

⁷⁶ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском : (Тексты). С. 369.

⁷⁷ Сказания о чудотворных иконах в «Послании восточных патриархов императору Феофилу». С. 432.

⁷⁸ См.: Там же. В книге «Византийские легенды» опубликован перевод данного Сказания в иной редакции (см.: Византийские легенды. С. 162). В нем встречаются некоторые подробности, которые отсутствуют в «Послании». Например, говорится, что патриарх Герман много пострадал от «христоненавистных и безбожных иконосжигателей», что икона была украшена «по краю драгоценными камнями», что на табличке, привешенной к иконе, он написал более кратко: «Учитель, спаси Себя и нас» (это скрытая цитата из Евангелия от Луки — Лк. 23: 39). Наблюдаются также незначительные расхождения, связанные с уточнением деталей события, а также лирическими и риторическими отступлениями (см. подробнее: Лепехин В. В. «Золотой век» сказаний о чудотворных иконах. М., 2008. С. 112—118, 250—253).

⁷⁹ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском : (Тексты). С. 369.

⁸⁰ См.: Киево-Печерский патерик // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 302.

кончины преподобных Антония и Феодосия).⁸¹ Таким образом, согласно древнерусскому книжнику, икона, полученная византийскими иконописцами из рук Богородицы, покинула Константинополь за 20 лет до его разорения, в предвидении этого события.

Похожее перемещение иконы произошло позже. Автор напоминает о нем в следующих словах: «Пред взятием же Царяграда турским царем прииде из Царяграда икона Пречистыя Богородицы Одигитрие в Новгородскую область на Тихвину, яже и донныне суть».⁸² Как известно, падение Константинополя произошло в 1453 г., а явление иконы — в 1383 г., т. е. между двумя событиями пролегает ровно 70 лет. Однако древнерусского книжника не смущает этот анахронизм: икона покинула столицу Византийской империи в предчувствии ее захвата турками. Надо отметить, что такое увязывание двух событий принадлежит не автору «Стрелецкой редакции». Оно встречается ранее в некоторых редакциях Сказания о Тихвинской иконе Богородицы.⁸³

Наконец, автор возвращается к иконе Николы Заразского, которой и посвящено Сказание: «Такоже и сия икона святаго Николы от Корсуня в Русь на Рязань прииде. Тамо бо погании пришед обладаша, яже ныне нарицают Крым безбожнии».⁸⁴ В данном случае автор упоминает уже третий случай, когда икона переходит на другое место. И причина похожа на две предыдущие: образ переходит в Рязань в предчувствии или предвидении захвата Крыма «безбожными» татарами, что оправдывает и данный анахронизм. Итак, образ был унесен из Корсуни в 1224 г. (в следующем году он прибыл в Рязань), а Крым попал под власть Орды в 40-х гг. XIII в., т. е. приблизительно через 15—20 лет. Отметим, что, принимая во внимание татаро-монгольское нашествие, переносить икону в Рязань было не совсем логично, ведь именно Рязань подверглась страшному разорению при Батые и позже при татарских набегах не раз страдала от огня и меча. И не случайно в начале XVI в., спасая икону Николы, ее на время перенесли в Коломну. Но, конечно, по сравнению с Крымом, который стал улусом Золотой Орды, Рязань была более безопасным местом для почитаемой иконы.

Итак, какие сказания о чудотворных иконах известны автору? Он упоминает или кратко пересказывает сказания о Лиддской на столпе иконе Богородицы в храме, построенном Энеем, о двух иконах — Спасителя и Богородицы, отправленных по волнам патриархом Германом в Рим, о возвращении иконы Богородицы в Константинополь по окончании иконоборчества, о явлении во Влахерне Богородицы греческим иконописцам, вручении им иконы и повелении расписать в Киеве Успенский собор, о Тихвинской иконе Богородицы и, само собой разумеется, об образе Николы Корсунского. Во всех этих сказаниях присутствует мотив перемещения иконы в пространстве. Причем автор указал и главную причину таких перемещений: иконы переходят в другое место «пред казнию Божию» за грехи. Отметим еще раз оправдание анахронизма: иконы оставляют свои храмы «пред казнию», в качестве же «казни» могут выступать нашествие иноплемеников, распространение ереси, стихийные бедствия и т. п.

⁸¹ См.: Там же. С. 308.

⁸² Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском : (Тексты). С. 369.

⁸³ См.: Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 263.

⁸⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском : (Тексты). С. 369.

По всей видимости, автору остался неизвестен очень «выигрышный» с точки зрения темы перемещения икон так называемый второй коломенский эпизод,⁸⁵ в котором рассказывается следующее. Рязанцы просили у великого князя Василия Ивановича вернуть образ Николы в Рязань, однако князь «не повеле». Через некоторое время икона чудесным образом сама перенеслась в Рязань на свое место, а список, находившийся у рязанцев, перешел в Коломну. Когда об этом доложили великому князю, он дал обет воздвигнуть в Рязани церковь каменную для чудотворной иконы, чтобы «чудотворный образ стоял вовеки недвижим», что и исполнил «не по мнозех летех».⁸⁶ В этом рассказе иконы меняются местами: это редчайший мотив в сказаниях о чудотворных образах. Кроме того, этот мотив дополнен здесь другим: стремлением исключить возможность дальнейшего перемещения иконы. Сказание дважды упоминает о том, что Василий Иванович воздвигает каменную церковь для того, чтобы образ остался «вовечи недвижим».

В заключение скажем несколько слов об авторе, точнее, об авторах «Стрелецкой» редакции. Как убедительно показала И. А. Лобакова, «Стрелецкая» редакция составлена до 1613 г. В основу ее, вероятно, был положен один из рязанских списков Сказания, который стрелецкий голова Никита Леонтьевич Анненков, рязанец по происхождению, привез с собой на северо-запад Руси, когда по службе был послан в Псков. Псковская («Стрелецкая») редакция приобрела некоторые «северо-западные» черты, что выразилось, например, в упоминании Пскова и возведения крепостных стен вокруг него.

В 1633 г. там же был выполнен список Сказания, в котором было указано, что оригинал принадлежит Никите Анненкову.

В конце XVII в. была сделана копия со списка 1633 г. Этот список, хранящийся ныне в собрании Ф. М. Плюшкина БАН, — единственный из известных сохранивший текст «Стрелецкой» редакции Сказания.

Что касается текста памятника, то можно говорить о трех его «авторах»: книжник, составивший редакцию 1606—1608 гг.; книжник, сделавший список 1633 г.; писец, сохранивший для нас копию конца XVII в. Какова роль каждого из них в работе над текстом, в настоящее время установить не представляется возможным.

Остается открытым следующий вопрос: кто является автором двух вставок в текст «Стрелецкой» редакции? В первой пересказывается известный сюжет о Прохоре-лебеднике из «Киево-Печерского патерика»; она находится в конце Сказания,⁸⁷ но до записи о принадлежности оригинала и дате изготовления списка. Вторая вставка о перемещениях икон в пространстве завершает Сказание, она находится после указания на оригинал и дату.

Нам представляется, что эти две вставки сделаны двумя разными книжниками. Вставка о преп. Прохоре не имеет отношения к теме Сказания. Вторая вставка, как мы стремились показать, имеет исключительно важное значение, поскольку древнерусский автор впервые пытается выделить, коротко описать и обобщить один из самых распространенных мотивов в сказаниях

⁸⁵ См.: Там же. С. 348—349.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См.: *Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском : (Тексты). С. 368—369.* Эта история приведена автором данной редакции в качестве иллюстрации к мотиву казни Божиих, косвенно связанному с мотивом перенесения икон.

о чудотворных иконах: переход иконы или ее перенесение с одного места на другое. Нам кажется логичным предположить, что этой приписки не было в редакции 1606—1608 гг. Это отступление мог включить в завершающую часть Сказания автор списка 1633 г. Мы исходим из того, что Сказание фактически заканчивается указанием даты и именем владельца рукописи, и весь заключительный текст, содержащий уникальные сведения, создан переписчиком в 1633 г. Менее вероятно, что эта приписка впервые появилась лишь в конце XVII в. в дошедшей до нас копии.

* * *

Как известно, «Повесть о разорении Рязани Батыем» впервые была опубликована И. П. Сахаровым в 1841 г. по позднему списку XVI в.⁸⁸ Новое произведение древнерусской литературы сразу же привлекло внимание исследователей и читателей. Оно было включено в различные сборники, хрестоматии и, естественно, в учебные пособия, посвященные древнерусской словесности. Поэт, драматург, переводчик и критик Л. А. Мей (1822—1862) откликнулся на новый памятник поэмой «Песня про боярина Евпатия Коловрата» (1859). Произведение стилизовано под былинку, в основном оно построено на ритмике народного стиха без рифм, но эти несколько монотонные части перебиваются стихами, в которых используется другой размер, новый ритм и господствует рифма. Зачало поэмы-былины традиционно:

Ох вы, зорюшки-зори!
 Не один год в поднебесья вы зажигаетесь,
 Не впервой в синем море купаетесь:
 Посветите с поднебесья, красные,
 На бывалые дни, на ненастные!⁸⁹

Но после этого вступления несколько неожиданно появляется другой размер:

К городу Рязани
 Катят трое сани,
 Сани развальные —
 Дуги расписные;
 Вожжи на отлете;
 Кони на разлете;
 Колокольчик плачет —
 За версту маячит.⁹⁰

Мей пересказывает сюжет Повести довольно близко к тексту. У поэта сохранены все действующие лица, роль некоторых персонажей даже усилена. Вместе с тем Мей ввел в свое произведение нового персонажа — тысяцкого Афанасия Прокшича Нездилу, который перебрался в Рязань из Чернигова. Он понадобился автору, чтобы объяснить следующий эпизод. Когда рязанский князь Юрий послал своего сына Федора к Батыю с дарами и просьбой не

⁸⁸ См. об этом: *Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николая Чудотворца из Корсуна в Рязань»... С. 472.

⁸⁹ *Мей Л. А.* Стихотворения. М., 1985. С. 136.

⁹⁰ Там же.

воевать против Рязанской земли, хан, приняв дары, повелел молодому князю привести его красавицу-жену Евпраксию. Но откуда Батый узнал, что жена Федора греческая царица и красавица? В Повести просто говорится, что «нѣкий от велможъ резанскихъ» сообщил это хану из зависти. У Мея вельможа получает имя Нездила.⁹¹

Поэма начинается со свадьбы князя Федора и греческой царицы Евпраксии. Все веселятся, радуясь за молодых, но больше других весел Нездила. Здесь выясняется, что он перебрался в Рязань вслед за Евпраксией из-за любви к ней. Вот как однозначно характеризует его поэт:

А с лица непригож он и немолод:
Голова у него, что ладонь, вся-то лысая,
Борода у него клином, рыжая,
А глаза — что у волка, лукавые,
Врозь глядят — так вот и бегают.⁹²

Здесь же выясняется, почему Евпатия Коловрата, который оказывается крестовым братом Федора, нет в Рязани: Юрий Ингваревич послал его в Чернигов вместо Нездила.

Через год Евпраксия родила сына Ивана. В некоторых списках Повести его называют Постником.⁹³ Мей объясняет, почему наследник Федора получил такое прозвище:

Будет год по десятому месяцу —
Родила она первенца-княжича...
Окрестили его на Ивана Крестителя
И назвали Иваном, а прозвали Постником,
Для того что ни в среду княжич, ни в пятницу
Не брал груди у матери...⁹⁴

После этого в поэме первый раз упоминается церковь Николы Корсунского:

Федор-князь,
На такой на великой на радости
В новоставленный храм Николоя Святителя,
Чудотворца Корсунского, вкладу внес
Полказны золотой своей княжеской...⁹⁵

⁹¹ Мей называет своего персонажа Афанасием Нездилой Прокшичем. Такое имя в древнерусской литературе в полном виде не встречается, но летописи знают Нездиду Прокшича. Имя Нездила встречается с конца XII—начала XIII в. в русских летописях в основном среди новгородцев, а позже рязанцев (там же распространены и топонимы, происходящие от этого имени). Самый знаменитый человек с таким именем — Нездила Прокшич Иван. Лаврентьевская летопись сообщает: когда в 1229 г. князь Ярослав захватил Волок Ламский, св. Михаил Черниговский послал к нему послов, которых возглавлял Нездила Прокшич (ПСРЛ. Л., 1926—1928. Вып. 1—3. С. 511). Так что Мей и в данном случае, желая сохранить за своим произведением определенную долю документальности, обратился к древнерусским источникам.

⁹² Мей Л. А. Стихотворения. С. 136.

⁹³ «Повесть о разорении Рязани Батыем». С. 152.

⁹⁴ Мей Л. А. Стихотворения. С. 141. Этот мотив встречается в Житии преп. Сергия Радонежского: «...в среду бо и в пяток не приимаше ни от съсцу, ни от млека кравья...» («Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего, игумена Сергия Чудотворца. Списано бысть от прѣмудрѣйшаго Епифанія» // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 266).

⁹⁵ Мей Л. А. Стихотворения. С. 141.

Образ Николы Корсунского, как известно, был перенесен в Рязань в 1225 г., поэтому Мей называет храм «новоставленным». Когда икону принесли в Рязань, Федор еще не был женат, вместе с тем дата рождения княжича Ивана Федоровича неизвестна. Радость о рождении сына вылилась в щедрое пожертвование на храм святителя Николая. Здесь поэт допускает явное преувеличение: полказны — это слишком много, даже десятина считалась щедрой жертвой.

Далее следует рассказ о нашествии Батгья и поездке Федора в Орду. Мей оставляет главные летописные характеристики татаро-монголов и лично Батгья. Хан — безбожный, а его воины — агаряне. Так война с новыми врагами Рязанского княжества предстает по воле поэта как религиозное столкновение. У Федора и его свиты враги вызывают тяжелые чувства, как будто они созданы не по образу Божию, а по образу звериному:

...Люди — не люди, нет на них образа Божьего.
А какое-то племя проклятое,
Как зверье окаянное якобы...⁹⁶

Далее в поэме играет свою роль Нездила. Пока Федор вел переговоры с Батгьем, Нездила, который оказывается к тому же толмачом, подмигнул ханскому переводчику и, видимо, рассказал ему о красоте Евпраксии. Батгый сделал перерыв в переговорах, а когда возобновил их, то потребовал от Федора привести к нему красавицу-супругу. Так поэт усложнил сюжет переговоров Федора с Батгьем несколькими деталями, которые получили дальнейшее развитие.

Федора и его свиту жестоко убили, удалось спастись только «пестуну» князя Ополонице (в древнерусских текстах он называется Апоницей, а в некоторых поздних рукописях Аполоницей).⁹⁷ Конечно, Нездиду не тронули. Далее поэт вводит целиком вымышленный эпизод. Нездила возвращается в Рязань и рассказывает князю Юрию, что хан принял дары и отказался от мысли воевать против Рязанского княжества. Затем он пошел к Евпраксии и поведал то же самое:

Федор-князь у царя у Батгья — состоильником;
Пополам и веселье и бражничанье;
Отклонил Бог беду неминучую:
Воевать нас татаре заклялися
И уйдут все по слову князь Федора.⁹⁸

Таким образом, у поэта получается, что Нездила предал не только князя Федора, но и все Рязанское княжество. Насколько можно понять, Нездидой движет любовь к Евпраксии. Рассказывая ей о татаро-монголах, он про себя

⁹⁶ Там же. С. 143. Человек сотворен по образу и подобию Божию (Быт. 1: 23), он не может разрушить в себе образ Божий или отказаться от него. Своими грехами человек искажает в себе этот образ вплоть до того, что превращает его в «образ зверя», о котором говорится в Откровении св. Иоанна Богослова. Поэтому процитированные строки поэта несут важную в антропологическом смысле содержательную и богословскую нагрузку. Не случайно и Мармеладов Достоевского говорит: «Я звериный образ имею» (*Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 5. С. 18*). Об образе зверя в человеке см.: *Юстин (Поповић), архим.* Догматика Православне Церкви. Књига трећа. Београд, 1978. С. 684.

⁹⁷ См.: *Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батгьем». Комментарии. С. 474.

⁹⁸ *Мей Л. А.* Стихотворения. С. 146.

«думушку думает», мечтает, что Батый возьмет Рязань, а Нездила выкупит Евпраксию из плена у победителей: «А уж я за тебя, за голубушку, / Отвалил бы казны не жалеючи...».

Следующая главка повествует о гибели Евпраксии. Повествование начинается упоминанием храма святителя Николая:

С Осетра валит пар, словно с каменки, —
Значит, будет днем баня опарена...
У Николы Корсунского к ранней обедне ударили...
И княгиня проснулась под колокол...
К колыбели птенца своего припадаючи,
Целовала его, миловала и пестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подбор теремной, на светелочный.⁹⁹

Здесь появляется чудом спасшийся Ополоница. Княгиня, не подозревая об убийстве мужа, спрашивает о нем старого воина, и тот передает ей горестную весть. Далее поэт довольно точно пересказывает Повесть:

Обмерла-оочнела княгиня Евпраксия,
К персям чадо прижала любезное
Да с ним вместе с подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тут заразилась до смерти...
И оттоле то место Заразом прозвалося,
Потому что на нем заразилося
С милым чадом княгиня Евпраксия.¹⁰⁰

В этом месте поэмы есть одна заметная неточность. Мей пишет, что место гибели Евпраксии стали называть Заразом. Однако в Повести событие связывается не с местом, а с чудотворной иконой святителя Николая: «И от сея вины да зовется великий чудотворец Николае Зараский, яко благовѣрнаа княгиня Еупраксѣа с сыном князем Иваном сама себе зарази». ¹⁰¹ Нам представляется, что в этом эпизоде Мей попытался по-своему рассказать о гибели Евпраксии. Большинство исследователей пишет о самоубийстве княгини как о бесспорном факте. Однако это трудно себе представить, тем более что на руках у нее был ребенок (так она становилась бы и убийцей). Известно, как относятся к самоубийцам православная Церковь: их даже не хоронили внутри кладбищенской ограды. Однако княгиню вместе с мужем и сыном нередко называют местночтимыми святыми. ¹⁰² В связи с этим нельзя ли предположить, что княгиня, услышав о жестоком убийстве мужа, упала в обморок от горя и, потеряв равновесие, сорвалась с высокого терема? Что значит «заразился до смерти»? ¹⁰³ Только то, что княгиня убила. И другое ключевое слово в тексте:

⁹⁹ Там же. С. 148.

¹⁰⁰ Там же. С. 149.

¹⁰¹ Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 138.

¹⁰² Следует оговориться, что речь идет преимущественно о научно-популярных и краеведческих книгах, а также об интернет-изданиях. В официальных епархиальных списках Собора Рязанских святых, а также местночтимых подвижников нам не удалось обнаружить имен Феодора, Евпраксии и Иоанна Постника.

¹⁰³ «И услыша таковыа смертоносныа глаголы и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваномъ на среду земли и *заразися до смерти*» («Повесть о разорении Рязани Батыем». С. 142).

«ринуся». Этот глагол, по словарю В. И. Даля, означает не только «бросаться», но и «валиться», «падать».¹⁰⁴ Согласно некоторым вариантам текста, княгиня упала не «ис превысокаго храма своего», а «ис полатей церковных»,¹⁰⁵ — скорее всего, храма святителя Николы Корсунского, воздвигнутого мужем. Если это так, то самоубийство Евпраксии тем более невероятно (покончить с собой в церковном дворе, перед святым храмом). Итак, можно предположить, что княгиня не *бросилась* добровольно с крыши, а *упала* и разбилась. Л. Мей подчеркнул это несколькими словами: «Обмерла-окочнела княгиня Евпраксия...».¹⁰⁶

Автор «Стрелецкой» редакции не сомневался, что это было самоубийство. После рассказа о гибели Евпраксии он продолжает: «Тако же сотворися в то же время в Володимери граде от того жь Батгя. Великаго князя Юрья Всеволодича княжна в церкви соборной пречистой Богородици вержесе долу с полатей церковных и заразися до смерти, не хотя осквернити девства своего с погаными, и тако венцем увязошася страдания ради, от Вседержителя Бога».¹⁰⁷ В этой редакции сказания самоубийство даже оправдывается, поскольку оно совершено ради сохранения девства. Наравне с девством в «Стрелецкой» редакции ставится супружеское целомудрие: никто не должен осквернить брачное ложе княгини Евпраксии после убийства ее мужа. Конечно, автор опирается на древнюю церковную традицию. У св. Иоанна Златоуста есть две беседы в похвалу мученице Пелагии Антиохийской (IV в.). Когда стало известно, что она христианка, и воины окружили дом, чтобы взять ее, Пелагия попросила время на то, чтобы переодеться, а надев чистое платье, она поднялась на крышу и бросилась вниз.¹⁰⁸ Как объясняет этот поступок Иоанн Златоуст? Он говорит следующее: Пелагия была готова к мучениям, но не хотела потерять девства; многие упавшие с крыши оставались живы, а здесь Господь «повелел душе тотчас оставить тело»; Пелагия облеклась в двоякую одежду — девства и мученичества.¹⁰⁹ Т. е. смерть девицы толкуется не как самоубийство, а как добровольное принятие смерти ради девства и Христа. Конечно, Евпраксия не была девицей, но у Иоанна Златоуста находим и другую похвальную беседу, посвященную мученицам Виринее, Проскудии и матери их Домнине (IV в.). Когда их взяли под стражу пьяные солдаты и повели на суд за христианскую веру, то во время одного из привалов мать взяла дочерей-девственниц и вошла с ними в воду. Вот как толкует это событие Иоанн Златоуст: вошла мать в воду «замужняя среди незамужних, и было супружество среди девства, а посреди их Христос»; они «не утонули, но крестились новым и необыкновенным крещением»; Домнина трижды потерпела мученичество — за себя и за двух рожденных ею чад; надо не только хвалить мать, но и удивляться дочерям.¹¹⁰

¹⁰⁴ Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М., 1882. Т. 4. С. 94—95.

¹⁰⁵ Лихачев Д. С. Повести о Николѣ Заразском : (Тексты). С. 361.

¹⁰⁶ Отмечу, что Д. В. Веневитинову принадлежит поэма «Евпраксия» (1824). Поэт вдохновлялся «Историей государства Российскаго» Н. М. Карамзина. Поэма не закончена, и Евпраксия упоминается в ней лишь дважды (см.: Веневитинов Д. В. Избранное. М., 1956. С. 100—106).

¹⁰⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николѣ Заразском : (Тексты). С. 361.

¹⁰⁸ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольскаго, в русском переводе. 1896. Т. 2. Кн. 2. С. 624—625.

¹⁰⁹ Там же. С. 624, 625, 627, 631, 632.

¹¹⁰ Там же. С. 684—686.

И здесь мы видим объяснение добровольной смерти во имя сохранения девства или супружеской верности как мученичества.

В Песне Л. Мея рассказывается об осаде Рязани Батыем, о разрушении города, при этом поэт показывает детальное знание древнерусского текста. «Песня о боярине Евпатии Коловрате» состоит из одиннадцати частей, но главный герой произведения появляется лишь в восьмой главе. Евпатий, ничего не подозревая о рязанских событиях, проводит время в Чернигове. В частности, здесь выясняется, что Евпатий тайно влюблен в Евпраксию, он вместе с Федором встречал ее в Новгороде-Северском, когда она прибыла туда с цареградскими гостями, и с тех пор не может не думать о ней. Федору, своему крестовому брату, Евпатий, конечно, ничего не сказал. Глава заканчивается приездом Ополоницы.

Девятая глава начинается с того, что Нездила «вконец отатарился» и стал приближенным хана. Батый задумал пойти на Владимир, а Нездила предлагает отправиться в Суздаль, потому что ему известно, где спрятана суздальская казна. Батый соглашается, обещая Нездилье десятую часть добычи. Ночью Нездила видит разные сны, в которых он находит драгоценности. Последний сон переходит в явь:

...Да уж это не снится, а подлинно
Войлок подняли... Смотрит во все глаза Нездила,
Видит: старец седой, в одеянии инока,
Лицом схож на икону Николы Корсунского,
Из кибитки рукой его манит таинственно.¹¹¹

Нездила вылез из шатра, еще не совсем понимая, кто этот старец. Таинственность явления инока не вразумила бывшего боярина. Когда старец стал призывать предателя к покаянию, Нездила в ответ пообещал наутро допросить старца как соглядатая и даже угрожал ему повешением. Однако старец продолжал обличать изменника, напоминая ему о содеянных грехах. Нездила затрясся от гнева и хотел броситься на старца, но не смог: он как будто прирос к земле и не мог даже шевельнуться. Между тем старец продолжал:

Указал ему старец десницею на небо
И промолвил: «Одними молитвами
Неповинно тобою погубленных
Князя Федора, с княжичем и со супругою,
Благоверной княгиней Евпраксией,
Бог приемлет твое покаяние
И меня ниспослал к тебе вестником, —
Содрогнись и покайся, о чадо заблудшее,
И молися: завтра с денницею
Ты предстанешь на Страшный суд Господа,
А земной суд и казнь начинаются...»
С этим словом исчез он — и вся земля дрогнула...¹¹²

Понял ли Нездила, кто явился ему, кто его предупредил о смерти, кто призывал к покаянию? Ответа на этот вопрос в поэме нет. Но в этом отрывке

¹¹¹ Мей Л. А. Стихотворения. С. 154.

¹¹² Там же. С. 155.

перед читателем — типичное сказание о явлении святого. Причем если иметь в виду, что святой похож на Николу, изображенного на Корсунском образе, то можно говорить о сказании, посвященном чудотворной иконе. Правда, оно целиком относится к области художественного вымысла, но вполне могло бы стать продолжением известного сказания, дополнив его новым чудом.

Самая большая глава в произведении Мея — десятая (три страницы из пятнадцати). Она целиком посвящена появлению дружины Евпатия Коловрата, битве с татарами и гибели Евпатия. При этом именно ему с помощью Ополоницы удалось схватить и наказать смертью Нездилу. Интересно, что, перед тем как ударить Нездилу оземь, Евпатий напоминает ему не о преданном им князе Федоре, а о его жене:

Ты попомни княгиню Евпраксию
И колей, старый пес, непокаянно!¹¹³

Поэма заканчивается так же, как и Повесть. Брат Юрия Рязанского Ингварь Ингоревич, вернувшись из Чернигова, начал восстанавливать город. Первым делом он «повелел иереям святить храмы Божии». Именно Ингварь перенес с речки Воронеж, где была ставка хана Батыея, убиенного племянника:

...А сам он (Ингварь) с Воронежа
Тело князя Феодора Юрьича
Перенес к чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксию, с сыном их княжичем,
Схоронил в одно место, и три креста каменных
Над могилой поставил. С тех пор прозывается
Николай Чудотворец — Заразским святителем,
Потому что на месте на том заразилася
Вместе с сыном княгиня Евпраксия.¹¹⁴

Заканчивается поэма славословием городу Зарайску.¹¹⁵

Итак, в поэме Мея использовано «Сказание о перенесении иконы Николы из Корсуни в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». С одной стороны, поэт стремится быть точным по отношению к древнерусскому источнику даже в мелочах, и часто ему это удается. Об этом свидетельствуют приведенные выше цитаты. С другой стороны, он вводит в поэму вымышленных персонажей и новые мотивы, которых нет в оригинале. К числу таких персонажей надо отнести Нездилу, а к вымышленным мотивам — любовь Нездилы и Евпатия Коловрата к супруге князя Федора Евпраксии. Образ Евпатия Коловрата, именем которого названа поэма, остался в тени: из одиннадцати глав ему посвящены лишь две. Одна (восьмая) целиком вымышленна — в ней рассказывается о пребывании Евпатия в Чернигове, другая же (десятая) довольно точно передает описанные в Повести столкновения дружины Евпатия с отрядами Батыея. Конечно, особый интерес представляет вымышленный эпизод с явлением Нездиле Николы Заразского. В нем содержится прежде

¹¹³ Там же. С. 159.

¹¹⁴ Там же. С. 160.

¹¹⁵ История и топонимика Зарайска довольно запутанны. Он упоминается в летописях и документах с древнейших времен, но под разными именами. Свое современное название и статус города он получил только в XVIII в.

всего предсказание смерти, но не менее сильно звучит призыв к покаянию. Этот эпизод может служить иллюстрацией к следующему христианскому воззрению: Бог всем желает спасения, даже самым закоренелым грешникам. Нездила не оценил явление святого и не услышал его ясного призыва.

Икона Николы Корсунского упоминается в поэме несколько раз. В первой главе называется церковь Николы Корсунского, в которую князь пожертвовал «полказны» после рождения сына. В шестой главе княгиня в день своей гибели просыпается под звон колоколов храма Николы Корсунского. Основным сюжетным поворотом в девятой главе становится явление Нездилье старца, ликом похожего на Николу Корсунского. В последней, одиннадцатой главе объясняется, почему у образа появилось второе название. Таким образом, икона прямо и косвенно присутствует в поэме и занимает заметное место в сюжетной канве произведения.